

Шан Мяочань всё ещё пребывала в печали, но на лице вдовствующей наложницы Ван уже появилась радость. Слова Лу Шэна, казалось, означали, что он всё ещё не оставляет надежды на Шан Мяочань.

— Девушка Чань, перестань плакать, вставай. Лу-гунгун, хоть и строг, но говорит это с добрыми намерениями, всё ради твоего блага, — сказала она, помогая Шан Мяочань подняться. В её миндалевидных глазах всё ещё блестели слёзы, что делало её ещё более трогательной.

Тон Лу Шэна стал мягче.

— Даже если император и сделал тебе выговор, разве его слова не были куда более деликатными, чем твоего зятя? — Лу Шэн терпеливо убеждал её, мысленно произнося: «Прости мне, Ваше Величество, мою непочтительность», и с трудом сдерживая отвращение, сравнивая императора с мелким чиновником из Управления городской охраны.

На самом деле Шан Мяочань прекрасно знала, что и при дворе, и за его пределами, говоря об императоре, все отмечали его мягкий характер и доброжелательность. Его изящный и благородный облик также вызывал в ней трепет. Даже если бы он не был императором, просто имея достойное занятие, они могли бы стать обычной супружеской парой.

Лу Шэн сказал:

— Девушка, не беспокойся. У меня есть план. Просто помни об императоре в своих мыслях и ставь его на первое место.

— Например, вчера ты получила выговор, но ты только горевала, не думая о том, что император всегда снисходителен. Почему он сказал такие слова? Какие мысли были у него в голове? Как можно было бы сделать его счастливым?

— Если бы ты задумалась об этом, тебе не пришлось бы плакать.

Закончив, Лу Шэн поспешил уйти, опасаясь, что император проснётся и отдаст какие-то распоряжения. Если он не будет рядом, подчинённые могут сказать что-то лишнее, задев сердце императора и вызвав ненужные проблемы.

Вдовствующая наложница Ван, утешая Шан Мяочань, в душе удивлялась. Лу Шэн выглядел настолько уверенным, словно у него действительно был план.

Через два дня Хэ Е на заседании в тронном зале упомянул, что этим летом может случиться сильная засуха и нашествие саранчи. У Чжу Линсы опухло горло, и, едва успев немного сойти, опухоль снова увеличилась. Кровь пульсировала, почти перекрывая горло. Его срочно вызвали во дворец Уин, где императорский лекарь сделал несколько уколов, чтобы облегчить дыхание.

Как только лекарь собрался уходить, Сюй Чэн вдруг пошатнулся. Все поддержали его, и лекарь подошёл, чтобы проверить пульс. Сделав несколько уколов, он спросил у Сюй Чэна, как давно у него эта болезнь и как долго она обычно длится. Сюй Чэн ответил, и лекарь кивнул, дал несколько советов и посоветовал ему беречь себя.

Из-за этих двух происшествий заседание было прервано. Пань Бинь, не успев доложить свои дела, поспешил в Павильон Вэньхуа. Император, не в силах есть твёрдую пищу, ограничился кашей. Увидев, что Пань Бинь не поел, он приказал приготовить ему несколько блюд.

Пань Бинь, закончив трапезу и вытерев рот, сказал, что у него есть важное сообщение. У Чжу Линсы снова опухло горло, и он не мог говорить, поэтому просто жестом велел ему говорить прямо.

Пань Бинь снова затронул избитую тему — вопрос о свадьбе, но на этот раз добавил новые аргументы. Он сказал, что на заседании видел, как Сюй Чэн, уже в преклонном возрасте, а Се Цзин был отправлен на юг. Теперь остались только эти два министра-регента, и ему следует поторопиться с решением важных дел, иначе, когда придёт время, некому будет советовать, как поступить.

Упоминание Се Цзина вызвало у Чжу Линсы вспышку гнева, словно кто-то сжал его горло. Боль поднялась выше, и в ушах начался лёгкий звон.

Пань Бинь продолжал говорить, и Чжу Линсы, чувствуя себя предельно раздражённым, хотел возразить, но голос не слушался.

Он хотел сказать, что для брака нужно найти человека, который бы подходил ему по духу, чтобы не разочаровать ни себя, ни другого.

Но затем он подумал, что это просто отговорка. Тот, кто был в его сердце, наверняка хотел бы держаться от него подальше. К тому же, на берегу реки Чунфэн за пределами столицы он уже нашёл своего единственного спутника жизни, и теперь ему нечего надеяться.

Раньше он упрямо отказывался, просто чтобы сохранить надежду. Теперь же говорить о том, что ему нужен близкий человек, было бы просто смешно.

Другие не знали, но он сам не мог смириться. Если бы Се Цзин узнал о его чувствах, это только добавило бы ему тревоги, и он мог бы подумать, что император замышляет что-то против него.

Пока он мучился этими мыслями, Пань Бинь не понимал его. Видя, что император молчит, он решил продолжить натиск, не переставая говорить. Лу Шэн, видя, что ситуация ухудшается, не мог вмешаться, так как это был разговор между чиновниками, и он мог только беспомощно наблюдать.

Если бы Се Цзин был здесь, он мог бы защитить императора. Впервые Лу Шэн искренне пожелал, чтобы Се Цзин вернулся.

Чжу Линсы, слушая Пань Биня, чувствовал, как у него звенит в ушах. Его мечты о любимом человеке, казалось, рухнули. Но пока этот вопрос не будет решён, покоя не будет.

После свадьбы Се Цзин сможет успокоиться. Со временем, когда страх уйдёт, он сможет вернуться в столицу. Тогда они смогут снова встретиться, не вспоминая прошлого.

Но мысль о том, что ему придётся жениться на незнакомой женщине, вызвала у Чжу Линсы внутренний страх.

В этот момент он действительно не знал, кто в мире мог бы спасти его.

Тут Лу Шэн подошёл, подавая ему и Пань Биню чай. Чтобы освободить место, он немного сдвинул ширму на столе.

На ней были изображены нежные жёлто-зелёные орхидеи, которые выглядели очень красиво. Увидев их, Чжу Линсы вдруг вспомнил о ком-то.

Она и он, казалось, оба оказались в безвыходной ситуации...

Император всё ещё не мог говорить и указал на ширму.

Пань Бинь не понимал, что происходит, но в глазах Лу Шэна появилась радость, и он кивнул, сказав:

— Да.

Сюй Чэн, услышав доклад Пань Биня, тут же встал, несмотря на то, что его здоровье ещё не полностью восстановилось. Двигаясь, он слегка наклонился в сторону и повторял:

— Как это возможно? Как это возможно?

Пань Бинь сказал, что Лу Шэн сообщил ему, что император обратил внимание на девушку по имени Шан Мяочань, которая сейчас служит у вдовствующей наложницы Ван, и хочет сделать её императрицей.

Первой реакцией Сюй Чэна был вопрос: кто такая Шан Мяочань? Среди чиновников столицы четвёртого ранга и выше с фамилией Шан можно было пересчитать по пальцам, и никто не слышал о выдающейся девушке из их семьи.

Пань Бинь подумал: откуда мне знать? Но он пересказал всё, что услышал от Лу Шэна, и, закончив, осушил чашку чая.

Сюй Чэн чуть не потерял сознание.

Причина была проста: происхождение Шан Мяочань было слишком низким. Она не годилась даже в наложницы, не говоря уже об императрице. Её место было скорее среди служанок.

Хотя при выборе императрицы главным критерием была добродетель, но добродетель — понятие расплывчатое, и её оценивали по слухам. Поэтому создание образа было важным, а у Шан Мяочань явно не было таких возможностей.

Хотя у Шан Мяочань не было особых достоинств, у неё и не было явных недостатков. По сути, она была неизвестной фигурой в кругах столичной знати.

Когда Сюй Чэн немного пришёл в себя, он сразу же приказал собрать информацию о её отце и братьях. Увидев это, его давление снова подскочило, и Пань Бинь, наблюдая за ним, начал беспокоиться не только о здоровье Сюй Чэна, но и о своём собственном.

Как он мог сразу же сказать «Ваше Величество», когда услышал, что император согласился на свадьбу, не подумав, подходит ли эта кандидатура на роль матери нации?

Он был настолько захвачен долгожданным исполнением своего желания, что потерял бдительность и допустил ошибку.

В отличие от Сюй Чэна, который сразу увидел проблему. Говорят, что мудрый человек думает на три шага вперёд. Вот в чём разница между Пань Бинем и министром.

Быстро осознав свои ошибки, Пань Бинь нашёл решение:

— Тогда я пойду и скажу императору, что Шан Мяочань не подходит, и попрошу его выбрать другую.

Сюй Чэн кивнул, но сказал:

— Не будем торопиться. Императору уже девятнадцать лет, и до сих пор он даже не проявлял интереса к знатым девушкам, которых ему представляли. Видимо, у этой Шан Мяочань есть что-то особенное.

Если император настроен серьёзно, Сюй Чэн не мог разрушить их союз. В таком случае, достаточно будет дать ей статус наложницы.

Пока они строили планы, Чжу Линсы тоже чувствовал сомнения.

Ему казалось, что он принял слишком поспешное решение. По крайней мере, перед тем, как сообщить другим, ему следовало бы спросить мнение Шан Мяочань.

Ведь брак — это дело двоих.

Но всё произошло слишком быстро, и у него раньше не было таких мыслей. Мысль о том, чтобы жениться на ком-то другом, всё ещё вызвала у него сильное сопротивление.

Но эта Шан Мяочань казалась настолько незаметной, словно могла в любой момент исчезнуть. Если это она, то в огромном дворце они могли бы жить, не пересекаясь, и всё было бы спокойно.

К тому же, она любила вышивку, что требовало терпения и времени. Её мастерство было настолько высоким, что, вероятно, у неё были высокие художественные амбиции, и она вряд ли была склонна к сплетням.

<http://bllate.org/book/16200/1454201>